

*Научная статья**Научная специальность**5.1.4 «Уголовно-правовые науки»*

УДК 343.103

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2026.2.143>

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ПОКАЗАНИЙ ЗАСЕКРЕЧЕННОГО СВИДЕТЕЛЯ

© Юнусов А. А., Магизов Р. Р., 2026

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета,
г. Набережные Челны, Россия

Исследуются актуальные проблемы допроса свидетеля как распространенного следственного действия в российском уголовном процессе. Установлены требования уголовно-процессуального законодательства к свидетелю как источнику доказательственной информации: способность воспринимать, анализировать и сообщать сведения об обстоятельствах общественно опасного деяния. Выявлено, что существующих уголовно-правовых запретов (мер ответственности) на принуждение к даче показаний и требований о даче правдивых показаний недостаточно при противоправном воздействии со стороны обвиняемого и его связей, а в ряде случаев – со стороны представителей органов уголовного преследования. Отмечено, что в целях исключения такого воздействия законодательно предусмотрена процедура засекречивания свидетеля и его анонимного участия в предварительном расследовании и в суде. На основе изучения судебной практики и доктринальных источников выявлены сомнения стороны защиты в реальном существовании такого свидетеля и достоверности его показаний, а также вопросы о соблюдении принципов состязательности и равенства сторон. Сформулированы основные задачи: исследовать соотношение между необходимостью защиты свидетеля и правом обвиняемого на очную ставку и перекрестный допрос; проанализировать сложности проверки личности засекреченного свидетеля без ущерба его безопасности. Обоснована необходимость подтверждения личности засекреченного свидетеля негласными методами с последующим судебным контролем. Разработаны рекомендации по повышению гарантий правосудия, включая механизмы раскрытия личности свидетеля для суда и защиты при сохранении анонимности для обвиняемого.

Ключевые слова: свидетель, меры безопасности, судебное решение, предварительное расследование, ложные показания, преисправное воздействие.

ON THE ADMISSIBILITY OF TESTIMONY FROM A SECRET WITNESS

© Yunusov A. A., Magizov R. R., 2026

Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University,
Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Current issues of witness interrogation as a common investigative action in Russian criminal procedure are examined. The requirements of criminal procedure legislation regarding the witness as a source of evidentiary information are established: the ability to perceive, analyze, and communicate information about the circumstances of a socially dangerous act. It is revealed that existing criminal law prohibitions (liability measures) on compulsion to testify and requirements to give truthful testimony are insufficient in the face of unlawful influence from the accused and his associates, and in some cases, from representatives of criminal prosecution authorities. It is noted that, in order to eliminate such influence, the law provides a procedure for classifying the witness's identity and allowing anonymous participation in the preliminary investigation and in court. Based on an examination of judicial practice and doctrinal sources, doubts of the defense regarding the actual existence of such a witness and the reliability of their testimony are identified, as well as questions concerning compliance with the principles of adversarial proceedings and equality of arms. The main tasks are formulated: to examine the relationship between the need to protect the witness and the accused's right to a face-to-face confrontation and cross-examination; to analyze the difficulties of verifying the identity of a classified witness without compromising their safety. The necessity of confirming the identity of a classified witness through covert methods, followed by judicial oversight, is substantiated. Recommendations are developed to enhance the guarantees of justice, including mechanisms for disclosing the witness's identity to the court and the defense while maintaining anonymity vis-à-vis the accused.

Keywords: witness, security measures, court decision, preliminary investigation, false testimony, false influence.

Нередко в различных стадиях уголовного процесса отдельные участники (иногда вовлекаемые в процесс помимо их воли) подвергаются противоправному воздействию со стороны других участников или иных лиц. Цель такого воздействия, как отмечено в многочисленных исследованиях, одна – изменить поведение (решение) лица, дающего показания или исполняющего возложенные уголовно-процессуальным законодательством обязанности [3–5]. Основываясь на зарубежном опыте, наше государство, сформировав правовую основу, создало специальные подразделения, целенаправленно обеспечивающие безопасность участников процесса и их близких.

Необходимо отметить, что применение мер государственной защиты достаточно финансово затратно¹, особенно в тех ситуациях, когда данные меры сопряжены с переменой места жительства, места работы оберегаемого лица и другими подобными обстоятельствами, и государству экономически не выгодно, когда правоприменитель на системной основе применяет меры безопасности необоснованно, а в отдельных случаях противоправно. Достаточно нормативно регламентированный и апробированный практикой институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства и их близких в уголовном судопроизводстве системно применяется правоприменителем [7; 8; 10]. Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» предусмотрены разнообразные способы и механизмы, направленные на обеспечение безопасности вышеуказанных лиц².

Вряд ли предполагал один из основоположников мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и их близких в России профессор В. Т. Томин, что сформированные им идеи анонимного участия свидетеля в отечественном уголовном процессе, для его обережения, в отдельных случаях будут использованы представителями ряда правоохранительных органов для фальсификации доказательств по расследуемым ими уголовным делам или, как заявляют В. Саморока, М. Бекетов, для достижения целей, «...не связанных с

защитой участников уголовного судопроизводства...» [2], что, без сомнения, приводит к искажению существа обвинения и нарушению режима законности³. Не говоря уже о совершении преступления этими лицами. Думается, что не предполагал.

У непосредственных участников судебного разбирательства, особенно представителей стороны защиты, могут возникнуть обоснованные сомнения в реальном существовании свидетеля со стороны обвинения при анонимном его участии и достоверности его показаний. Подготовить подставного свидетеля, ознакомив его с материалами уголовного дела, или ввести в процесс в качестве засекреченного свидетеля действующего оперативного сотрудника, который во всех нюансах знает материалы уголовного дела и предполагаемый предмет допроса при существующем механизме допроса таких свидетелей, не представляет сложности.

В соответствии с действующим законодательством, а также правовой позицией Конституционного Суда РФ сомнения относительно достоверности показаний и надлежащего источника этих показаний могут быть истолкованы в пользу обвиняемого. Однако проблема в том, что стороне защиты достаточно затруднительно обосновать подаваемое им в суд ходатайство о своих сомнениях относительно даваемых засекреченным свидетелем показаний и самом факте существования такого свидетеля в связи с ограниченными процессуальными возможностями их установления. Достаточно редко в правоприменительной практике суд при рассмотрении дела по существу все же ставит под сомнение достоверность показаний засекреченного свидетеля, в частности, Свердловский районный суд г. Костромы признал недопустимыми доказательствами показания засекреченного свидетеля, «...поскольку при допросе он не указал на источник своей осведомленности о противоправной деятельности ФИО 1 и других подсудимых. То есть фактически его показания основаны на слухах...»⁴.

³ Засекречивание свидетеля – достаточно удобный инструмент для представителей стороны обвинения, так как путем ограничения возможности публичного производства ряда следственных и процессуальных действий в некоторых случаях исключается процессуальная возможность опровергнуть показания данных свидетелей. И тогда срабатывает правило «Засекреченный свидетель всегда прав».

⁴ Приговор Свердловского районного суда г. Костромы Костромской области № 1-25/2018 1-496/2017 от 26 февр. 2018 г. по делу № 1-25/2018. URL: <https://sverdlovsky-kst.sudrf.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

¹ См.: Приложение 1, 2 к Государственной программе «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» // Консультант-Плюс: справочная правовая система.

² Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 35.

О недопустимости использования таких доказательств указывает и Конституционный Суд РФ, заявляя, что «...в основу обвинительного приговора могут быть положены лишь доказательства, не вызывающие сомнения с точки зрения их достоверности и соответствия закону...»¹. Предполагая, что в отдельных случаях обвинительный приговор может базироваться в основном либо в части на показаниях засекреченных свидетелей, Комитет министров Совета Европы своим решением ограничил такую возможность суда, закрепив в пункте № 21 своего решения императивную установку, что «...в случае предоставления анонимности приговор не должен основываться исключительно или в значительной степени на показаниях, данных анонимными свидетелями...»².

Вывод: ограниченный доступ к источнику информации ограничивает возможности стороны защиты устанавливать допущенные органами предварительного расследования нарушения норм материального и процессуального права.

Попытки отдельных, непосредственных участников уголовного дела обжаловать в Конституционном Суде РФ ряда норм УПК РФ, связанных нормативной регламентацией процедуры участия засекреченных свидетелей, не увенчались успехом. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, который пытается обосновать в том числе идею о том, что и при участии анонимного свидетеля у сторон есть равные права, которые могут быть ими реализованы в рамках как бы состязательного процесса, «...подсудимый и его защитник не лишены также права заявить ходатайство о раскрытии подлинных сведений о дающем показания лице и о признании его показаний недопустимым доказательством в случае нарушения закона...». В этом же определении Конституционный Суд РФ отмечает, что «...гарантии обеспечения безопасности... не лишают суд и участников уголовного судопроизводства, выступающих на стороне обвинения или защиты и обладающих в состязательном процессе равными правами, возможности проведения проверки получаемых в таких условиях доказательств, в том числе пу-

тем постановки перед анонимным свидетелем вопросов, заявления ходатайств о проведении дополнительных процессуальных действий, представления доказательств, опровергающих или ставящих под сомнение достоверность того или иного доказательства...»³.

Думается, что Конституционный Суд РФ слегка лукавит и в вопросе возможности проверки показаний анонимного свидетеля, отмечая в своем решении, что сторона защиты может проверить показания данного свидетеля путем постановки вопросов⁴ и заявляя «необязательные» для органов предварительного следствия и суда ходатайства о проведении процессуальных действий. Бесспорно, в данной ситуации – наличие фундаментальных нарушений принципа состязательности в отечественном уголовном судопроизводстве. Некорректно говорить о состязательности при наличии неравенства процессуальных прав сторон. Сторона защиты зависит от процессуального волеизъявления представителей стороны обвинения и суда, иными словами, является «вечным просителем», чьи просьбы в большинстве случаев отвергаются как бы в целях защиты прав и интересов отдельных участников уголовного процесса, а также в интересах достижения истины. Суд будет вынужден по собственной инициативе либо по инициативе стороны обвинения пресекать вопросы представителей стороны защиты анонимному свидетелю, если предполагаемое содержание ответов может повлечь возможность идентифицировать личность засекреченного свидетеля, несмотря на то, что ответы могут объективно установить обстоятельства совершенного общественно опасного деяния. То есть отдельные вопросы, задаваемые засекреченному свидетелю, должны быть отведены председательствующим, если ответы на них будут способствовать расшифровке личности данного свидетеля.

В итоге перед судом дилемма: удовлетворить ходатайство стороны защиты раскрыть сведения анонимного свидетеля, при этом удостоверившись объективно в наличии свидетеля по делу и ставя, возможно, под угрозу безопасность данного свидетеля и его близких; либо, отказав, оставить сомнения у стороны защиты. При

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Пеункова Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 276, частями второй и пятой статьи 278 и статьями 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 сент. 2016 г. № 2156-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² См. п. 20 Приложения к Рекомендации N R (2005) 9 Комитета министров совета Европы государствам-членам «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием» (20 апр. 2005 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Пеункова Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 276, частями второй и пятой статьи 278 и статьями 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 сент. 2016 г. № 2156-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁴ См.: Там же.

этом необходимо учесть то обстоятельство, что если в отношении свидетеля или иного участника процесса в установленном законом порядке принято решение о его анонимном участии, то на всех участников данного дела налагается законодательный запрет на разглашение данных о его личности (ст. 311 УК РФ).

В то же время, как было отмечено рядом авторов, достаточно серьезным инструментом установления обстоятельств совершенного преступления в судебных стадиях является перекрестный допрос, когда участники стороны обвинения и защиты имеют возможность задавать вопросы свидетелям [1]. При этом для стороны защиты достаточно существенное значение имеет и визуальное восприятие лица, дающего показания. Однако участие в суде засекреченного свидетеля исключает данную возможность и, с нашей точки зрения, ставит в неравное положение сторону защиты в состязательном процессе. В частности, защитники по уголовному делу № 91-005-8 в кассационной жалобе указали, что «...стороны были поставлены в неравное положение. Государственный обвинитель располагал сведениями о личности законспирированного свидетеля С., а потому имел преимущество при его допросе. Кроме того, этот свидетель утверждал, что знаком с Гасановым, проверить его показания без визуального наблюдения было невозможно, однако суд отказал в удовлетворении ходатайства о допросе свидетеля в условиях его визуального наблюдения участниками процесса...»¹

Хотелось бы отметить, что анализ правоприменительной практики по вопросам участия засекреченных свидетелей также показывает, что адвокаты в обоснование своих жалоб ссылаются на то, что «...суд необоснованно отказал в удовлетворении ходатайства о допросе «засекреченного свидетеля П.», показания которого могли свидетельствовать о фальсификации материалов уголовного дела (данный свидетель является вымышленным)...»², «...совпадения в протоколах допросов засекреченных свидетелей свидетельствуют о том, что эти протоколы готовились заранее для всех свидетелей по одному шаблону...»³, «...о заинтересованности экспер-

тов К. и С. в нарушении уголовно-процессуального закона при допросе засекреченного свидетеля...»⁴.

При этом у стороны защиты имеется «призрачная» возможность, предусмотренная ч. 6 ст. 278 УПК РФ, удостовериться в наличии засекреченного свидетеля, заявив ходатайство о необходимости ознакомления с данными о личности для достижения целей защиты либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств. Однако законодатель для реализации данной нормы не уточняет, ходатайство должно быть заявлено обеими сторонами или достаточно просьбы лишь одной стороны для разрешения вопроса о возможности ознакомления с данными о личности засекреченного свидетеля. О возможности формальной блокировки одной из сторон реализации ряда норм уголовно-процессуального законодательства отдельными авторами было отмечено ранее [6, с. 137–139]. Для исключения произвольного толкования и исключения ограничения прав сторон предлагаем внести изменения и дополнения в ч. 6 ст. 278 УПК РФ следующего содержания: «В случае заявления одной из **сторон** обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств суд вправе предоставить **стороне** возможность ознакомления с указанными сведениями». С нашей точки зрения, требуется внесение аналогичных изменений и в другие статьи УПК РФ для исключения произвольного толкования их правоприменителем.

Можем констатировать, что публичная идеология отечественного уголовного судопроизводства вряд ли позволит суду разрешить вышеуказанные ходатайства в интересах стороны защиты. Положительное разрешение данного ходатайства, в большей степени для стороны защиты, зависит от волеизъявления только представителя судебной власти, который может достаточно субъективно оценить изложенные стороной защиты доводы и отказать в удовлетворении данной просьбы.

Целесообразно, в целях исключения вовлечения, подмены или принуждения засекречен-

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 7 авг. 2006 г. по делу № 91-005-8 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 окт. 2024 г. № 81-УД24-12-А5 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 авг. 2024 г. № 8-УД24-16-А1 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 окт. 2023 г. № 50-УД23-10-К8 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

ного свидетеля к даче заведомо ложных показаний, законодательно закрепить возможность комиссионной проверки наличия или отсутствия вышеназванных факторов, отрицательно влияющих на ход расследования и результаты судебного рассмотрения уголовного дела. Когда мы говорим о комиссионной проверке, подразумеваем участие в ней представителя надзирающих органов, органов предварительного расследования и суда. Гипотетически допускаем участие представителей адвокатского сообщества, особенно в той ситуации, когда проверка объективности показаний засекреченного свидетеля и факта существования такого свидетеля инициирована ими. Думается, что бесспорно в данной ситуации соблюдение режима секретности, с профилактирующим воздействием, путем письменного предупреждения об уголовной ответственности участников за умышленное распространение сведений о защищаемом лице.

Достаточно актуальной и проблемной является ситуация, когда сведения об использовании «подложного» засекреченного свидетеля или такого свидетеля, который под противоправным воздействием представителей правоохранительных органов давал в стадии предварительного расследования и в суде заведомо ложные показания, становятся известными после того, как приговор вступит в силу, а подсудимый начнет отбывать наказание. В частности, представляет интерес уголовное дело по обвинению г-на С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 и ч. 1 ст. 161 УК РФ.

По итогам показаний, данных свидетелями Б. и К., Альметьевский городской суд по уголовному делу № 1-129/2016 признал виновным г-на С. и назначил ему наказание в виде 11 лет лишения свободы. Почему мы акцентируем свое внимание на этом деле? Гражданин С. обвинялся в совершении особо тяжкого преступления и получил достаточно большой срок в виде реального лишения свободы. Однако один из основных свидетелей, чьи показания легли в основу обвинения наряду с показаниями другого свидетеля (также засекреченного), который участвовал в деле под псевдонимом, сам себя «рассекретил» и сделал заявление в публичном пространстве (в сети Интернет) о том, что в ходе предварительного расследования давал ложные показания под противоправным воздействием следователя. А также о том, что его жизни и здоровью (и его близких) реальной угрозы не было, т. е. в соответствии с действующим законодательством

не было законных оснований принимать меры безопасности и засекречивания его данных¹.

Закономерно возникает вопрос, может ли следователь применять меры безопасности, если участник процесса возражает относительно данного решения, т. е. помимо его воли, принудительно?

В соответствии с нормами ст. 16 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» для применения мер безопасности следователь должен обладать достаточными данными «...о наличии реальной угрозы убийством защищаемому лицу, насилием над ним, уничтожением или повреждением его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве...»². Также обязательным условием применения мер безопасности является наличие повода – заявления лица, на которого осуществляется противоправное воздействие, или иного лица. Несмотря на то что в ряде случаев информирование следователя о противоправном воздействии на участников процесса и их близких возможно из оперативных подразделений, он также должен получить письменное заявление от данных лиц. О необходимости наличия повода, оснований, а также проверки реальности угрозы для принятия следователем мер безопасности обоснованно заявляют и В. Саморока и М. Бекетов [2].

Как нам представляется, следователь не вправе по собственной инициативе применять меры безопасности, в частности засекретить

¹ 09.04.2009 г-н Б. через адвоката обратился с явкой с повинной к председателю СК России А. И. Баstryкину с просьбой организовать процессуальную проверку сведений, изложенных в ней. Гражданин Б. заявил, что следователь-криминалист СО по г. Альметьевску СУ СКР В. допросил его в качестве засекреченного свидетеля под псевдонимом «Петров Иван Иванович», при этом он был вынужден давать заведомо ложные показания под противоправным воздействием. Данные получены от адвоката Ю. А. Удовенко (Адвокатский кабинет Удовенко Ю. А. внесен в реестр адвокатов Республики Татарстан под № 16/1931 423812, РТ, г. Набережные Челны, пр. Сююмбике, д. 6, кв. 42, т. 8-927-46-83-102, e-mail: Yr_Udovenko@mail.ru).

² Данные положения коррелируются с позицией Комитета министров Совета Европы, которые считают, что «...любое решение о предоставлении анонимности должно приниматься только в том случае, если компетентный судебный орган считает, что жизнь или свобода участвующего в процессе лица или его или ее близких находится под серьезной угрозой, показания выглядят значительными, а данное лицо – заслуживающим доверия...». См. п. 20 Приложения к Рекомендации N R (2005) 9 комитета министров Совета Европы государствам-членам «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием» (20 апр. 2005 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

свидетеля, при отсутствии заявления со стороны участника процесса или иного лица, тем более – как было нами ранее отмечено – принуждать к написанию такого заявления под угрозой противоправного воздействия. Однако латентность такого противоправного поведения следователя затрудняет возможность стороне защиты своевременно обжаловать данное решение, а прокурору – выполнить связанные с этим процессуальные действия либо реализовать институт промежуточного судебного контроля в целях восстановления прав и интересов отдельных участников процесса.

Остается открытым, в связи с предыдущим, и вопрос о том, как быть, если тот или иной участник процесса сам себя «рассекречивает», в отдельных случаях ставя под угрозу жизнь и здоровье не только свои, но и близких. И какова мотивация данных участников процесса, если они решили пойти на достаточно рискованный шаг, связанный с саморазоблачением:

- Миновала угроза физического и психического воздействия со стороны обвиняемых, осужденных их соучастников или иных лиц?

- Исключается угроза физического или психологического воздействия со стороны представителей правоохранительных органов?

- Пришло осознание и чувство вины (раскаяния), что из-за его ложных показаний осужден, возможно, невиновный человек?

- Истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (с учетом условий реализации данного уголовно-правового института, предусмотренных ч. 3 ст. 78 УК РФ)?

Без сомнения, обязать (принудить) засекреченного свидетеля соблюдать условия мер государственной защиты при активном противодействии с его стороны правоприменитель не может и не имеет права. В данной ситуации наступившие последствия, которые могут быть особо тяжкими для защищаемого лица и его близких в результате умышленного несоблюдения мер государственной защиты, – результат его осознанного поведения.

Несмотря на экстраординарность ситуации, когда ранее засекреченный свидетель осознанно и публично заявляет о совершенном им (а также следователем, принудившим к даче заведомо ложных показаний) преступлении, привлечь внимание представителей судебных и надзирающих органов для объективного установления обстоятельств совершенного

общественно опасного деяния и вынесения законного и обоснованного судебного решения не всегда представляется возможным. В приведенном нами примере вышестоящие суды поддержали решение Альметьевского городского суда, в том числе и связи с тем, что ложность показаний, со слов самого свидетеля, была выявлена после рассмотрения жалобы в Верховном Суде РФ, чьи решения окончательны за исключением реализации института возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 413 УПК РФ основанием для возобновления производства по данному делу является установленная «вступившим в законную силу приговором суда заведомая ложность показаний потерпевшего или свидетеля...».

Итак, в рамках правил формальной логики попытаемся сделать вывод о не разрешенной в настоящее время в правовом поле ситуации, когда реализация института возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по п. 1 ч. 3 ст. 413 УПК РФ зависит исключительно от волеизъявления органов предварительного следствия, которые должны возбудить уголовное дело, данное дело должно дойти до суда с последующим вынесением обвинительного приговора в отношении лица, давшего заведомо ложные показания, с условием, что эти показания повлияли на вынесение необоснованного приговора.

По вышеуказанному делу по непонятному стечению обстоятельств процессуальное решение, предусмотренное ст. 145 УПК РФ, по заявлению Б. представителями органов предварительного расследования не было принято. По сложившейся практике обращение Б. с явкой с повинной направили в СУ СК России по Республике Татарстан. Рассмотрев указанные материалы, заместитель руководителя второго отдела по расследованию особо важных дел СУ СКР по РТ капитан юстиции Г. 4 июня 2019 г. исходящим письмом № ОТСК-203-53688-19, ссылаясь на приказ председателя Следственного комитета РФ № 72 от 11 октября 2012 г., уведомил адвоката и С., что заявление последнего и явка с повинной Б. не подлежат регистрации в книге регистрации сообщений о преступлении и не требуют проверки в порядке, предусмотренном ст. 144, 145 УПК РФ. Обращения адвоката с жалобой в

вышестоящие органы¹, судебные и надзирающие органы остались без их удовлетворения. В итоге – замкнутый круг.

Как справедливо заявляет правоприменитель, в соответствии с УПК РФ «...возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в соответствии с главой 49 УПК Российской Федерации является исключительной компетенцией прокурора и суда...». Однако, чтобы возобновить производство по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по п. 1 ч. 3 ст. 413 УПК РФ, им необходим вступивший в законную силу обвинительный приговор суда, установивший ложность показаний свидетеля и, как было отмечено ранее, повлиявший на решение суда. Ну и самое главное, органы предварительного расследования должны возбудить уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ. Вывод не совсем утешительный – реализация института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (установление объективных обстоятельств совершенного преступления, вынесение законного и обоснованного судебного решения, восстановление прав и интересов человека) ставится в зависимость от волеизъявления должностного лица органов предварительного расследования, принимающего решение о возбуждении уголовного дела.

Как видим из вышеприведенного примера, в ряде случаев необходимо и обеспечение безопасности от воздействия со стороны представителей правоохранительных органов на свидетелей, потерпевших, обвиняемых и иных участников с целью принуждения их к даче заведомо ложных показаний или отказу от дачи показаний, в том

числе и путем принудительного (противоправного) засекречивания отдельных участников процесса. С нашей точки зрения, только уголовно-правовых запретов, предусмотренных уголовным законодательством, недостаточно, так как данные деяния носят латентный характер, представители правоохранительных органов на профессиональной основе оказывают противоправное воздействие и скрывают следы своих деяний, в связи с чем требуется разработать комплекс мер для дальнейшего предотвращения аналогичных ситуаций.

Гражданин, на добровольной основе либо помимо своей воли вовлеченный в уголовное судопроизводство и выполняющий возложенные уголовно-процессуальным законодательством обязательства, имеет право на государственную защиту и от противоправного воздействия со стороны представителей органов, осуществляющих уголовное преследование. В данной ситуации угрозы применения насилия со стороны представителей правоохранительных органов воспринимаются лицом, принуждаемым к даче заведомо ложных показаний, более тревожно, чем со стороны иных лиц.

Проблемы, очевидно, присутствуют при проведении опознания с участием лица, в отношении которого применены меры государственной защиты. Необходимо отметить, что в качестве опознающего могут участвовать представители не только со стороны обвинения (потерпевший), но и со стороны защиты (например, раскаявшийся обвиняемый, который дает показания в отношении своих соучастников), а также иные участники уголовного процесса (свидетель). Следовательно в целях обеспечения безопасности в ряде случаев необходимо обеспечить анонимность участвующего в данном следственном действии опознающего. Однако участвующие при этом понятые, защитник обвиняемого и иные лица (переводчик и т. д.) должны находиться там же, где находится и опознающий, и данные лица могут идентифицировать опознающего.

Большинство исследователей предлагают различные технические способы исключения идентификации личности опознающего лица (зеркальные стекла, ширмы, тонированные транспортные средства и т. д.) [9]. УПК РФ ограничено предусматривает возможность опознания по фотографии, несмотря на то, что на практике нередко опознание проводится и по видеоизображению. Необходимо отметить, что в соответствии с ч. 8 ст. 193 УПК РФ импе-

¹ Представляет интерес ответ и. о. руководителя следственного управления СКР по РТ полковника юстиции З. на жалобу адвоката Удовенко Ю. А. Исходящим письмом № ОТСК-248-93094-19 от 25.09.2019 адвокату разъяснили, что «ответом заместителя руководителя следственного управления М. от 16.08.2019 Вам исчерпывающе разъяснено, что приговором Альметьевского городского суда (от 01.08.2016), апелляционным определением Верховного суда Республики Татарстан (от 23.09.2016) и постановлением президиума Верховного суда Республики Татарстан (от 10.05.2017) были исследованы все обстоятельства совершения С. инкриминируемых деяний. Таким образом, обстоятельствам, на которые Вы ссылаетесь в обоснование своих требований, уже давалась оценка. Полномочия руководителя следственного органа в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации распространяются лишь на досудебную стадию производства по уголовным делам. Правом ревизии судебных актов следственный орган не наделен. В судебных инстанциях ходатайства и жалобы заявляются перед судом. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в соответствии с главой 49 УПК Российской Федерации является исключительной компетенцией прокурора и суда...».

ративно предусмотрено присутствие понятых при данном следственном действии на месте нахождения опознающего. Уголовно-процессуальное законодательство при этом не упоминает и иных участников данного следственного действия, которые в отдельных случаях могут присутствовать на месте нахождения опознающего участвующего анонимно.

Также необходимо отметить, что в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник, вступивший в процесс, вправе «...участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника в порядке, установленном настоящим Кодексом...». Применяемые меры безопасности исключают возможность ограничения прав обвиняемого на защиту и право самого защитника участвовать, в частности, при производстве опознания. По буквальному толкованию норм ст. 53 УПК РФ можно сделать логический вывод о том, что если опознание проводится по ходатайству обвиняемого или его защитника, в том числе и по фотографии, то у защитника есть процессуальное право при этом присутствовать. Думается, что в целях исключения двоякого толкования п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ необходимо внести соответствующие коррективы.

Как было отмечено нами ранее, на месте нахождения опознающего, участвующего анонимно, при необходимости могут находиться, кроме защитника, удостоверяющего факт опознания его доверителя, понятые, переводчик, если опознающий является несовершеннолетним, то и законные представители, а также иные лица (например, лицо, ведущее видеозапись) данного следственного действия. Ограничение процессуальных прав участников данного следственного действия может повлечь признание результатов недопустимыми доказательствами. Однако в целях недопущения возможности идентификации опознающего лица со стороны лиц, участвующих при этом и по требованию закона обязанных (и имеющих право) находиться по месту нахождения анонимного опознающего, необходимо принятие дополнительных мер, направленных на исключение его идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. С., Юнусов А. А., Рыбушкин Н. Н. Современная правовая организация судебного доказывания и «независимые, объективные» судьи // Ученые записки Казан-

ского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 2. С. 186–200. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.186-200

2. Бекетов М., Саморока В. Поводы и основания принятия решения о применении мер безопасности // Уголовное право. 2016. № 3. С. 103–109.

3. Брусницын Л. В. Допрос под псевдонимом // Законность. 2003. № 1. С. 27–29.

4. Брусницын Л. В. Потерпевшие и свидетели под псевдонимом: национальное законодательство и прецеденты Европейского суда по правам человека // Уголовное право. 2002. № 2. С. 125–127.

5. Епихин А. Ю. Предпосылки применения мер безопасности участников уголовного процесса // Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики : в 2 ч. Тольятти, 2014. С. 180–183.

6. Ковтун Н. Н., Юнусов А. А. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации : учеб. пособие. Казань : Новое знание, 2005. 294 с.

7. Крайнов В. И. Некоторые проблемные вопросы государственной защиты потерпевшего и свидетеля // Российский следователь. 2008. № 9. С. 25–27.

8. Краснова К. А., Ивлиева Н. В. Отмена мер безопасности: проблемы теории и практики // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 2. С. 72–86.

9. Смушкин А. Б. Предъявление для опознания в условиях, исключающих восприятие опознающего опознаваемым как способ обеспечения безопасности участника уголовного процесса // Российский следователь. 2013. № 15. С. 11–13.

10. Халиков А. Н. Обеспечение безопасности при сокрытии данных о личности // Законность. 2007. № 10. С. 43–45.

REFERENCES

1. Aleksandrov A.S., Yunusov A.A., Rybushkin N.N. *Sovremennaya pravovaya organizatsiya sudebnogo dokazyvaniya i "nezavisimye, obektivnye" sud'i* [Modern legal organization of judicial proof and "independent, objective" judges]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scientific Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2020, vol. 162, no. 2, pp. 186–200. (in Russian). DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.186-200 (in Russian)

2. Beketov M., Samoroka V. *Povody i osnovaniya prinyatiya resheniya o primeneni mer bezopasnosti* [Grounds and reasons for deciding to apply security measures]. *Ugolovnoye pravo* [Criminal Law], 2016, no. 3, pp. 103–109. (in Russian)

3. Brusnitsyn L.V. *Dopros pod psevdonomimom* [Interrogation under a pseudonym]. *Zakonnost* [Legality], 2003, no. 1, pp. 27–29. (in Russian)

4. Brusnitsyn L.V. *Poterpevshiye i svideteli pod psevdonomimom: natsionalnoye zakonodatelstvo i pretsedenty Yevropeyskogo Suda po pravam cheloveka* [Victims and witnesses under a pseudonym: national legislation and precedents of the European Court of Human Rights]. *Ugolovnoye pravo* [Criminal Law], 2002, no. 2, pp. 125–127. (in Russian)

5. Epikhin A.Yu. *Predposylki primeneniya mer bezopasnosti uchastnikov ugolovnogo protsesssa* [Prerequisites for the application of security measures for participants in criminal proceedings]. *Tatishchevskie chteniya: Aktualnyye problemy nauki i praktiki* [Tatishchev Readings: Current Problems of Science and Practice]. In 2 parts. Tolyatti, 2014, pp. 180–183. (in Russian)

6. Kovtun N.N., Yunusov A.A. *Stadiya podgotovki ugolovno-go dela k sudebnomu razbiratelstvu: problemy normativnogo regulirovaniya i prakticheskoy realizatsii* [The stage of preparation of a criminal case for trial: problems of regulatory regulation and practical implementation]. Kазan, Novoe znanie Publ., 2005, 294 p. (in Russian)

7. Kraynov V.I. *Nekotoryye problemnyye voprosy gosudarstvennoy zashchity poterpevshego i svidetelya* [Some problematic issues

of state protection of the victim and witness]. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian Investigator], 2008, no. 9, pp. 25-27. (in Russian).

8. Krasnova K.A., Ivlieva N.V. Otmena mer bezopasnosti: problemy teorii i praktiki [Cancellation of security measures: problems of theory and practice]. *Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost'* [Police and Investigative Activity], 2015, no. 2, pp. 72-86. (in Russian)

9. Smushkin A.B. Pred'yavleniye dlya opoznaniya v usloviyakh, isklyuchayushchikh vospriyatiye opoznayushchego opoznayemym, kak sposob obespecheniya bezopasnosti uchastnika ugolovnogo protsessa [Presentation for identification under conditions excluding the perception of the identifying person by the identified person as a way to ensure the safety of a participant in criminal proceedings]. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian Investigator], 2013, no. 15, pp. 11-13. (in Russian)

10. Khalikov A.N. Obespecheniye bezopasnosti pri sokrytii dannykh o lichnosti [Ensuring security when concealing personal data]. *Zakonnost'* [Legality], 2007, no. 10, pp. 43-45. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 13.05.2026; принята к публикации 08.05.2026

Received on 06.04.2026; approved on 13.05.2026; accepted for publication on 08.05.2026

Юнусов Ахат Ахнафович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры юридических дисциплин, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия, 423812, г. Набережные Челны, просп. Сююмбике, 10А (11/29)), ORCID: 0000-0001-6414-8993, РИНЦ Author ID: 487362, e-mail: axatuk@rambler.ru

Yunusov Akhat Akhnafovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department Law Disciplines, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan

(Volga Region) Federal University (10A (11/29), Syuyumbike ave., Naberezhnye Chelny, 423812, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-6414-8993, RSCI Author ID: 487362, e-mail: axatuk@rambler.ru

Магизов Рустем Робертович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия, 423812, г. Набережные Челны, пр. Сююмбике, 10А (11/29)), ORCID: 0000-0001-7918-0371, РИНЦ Author ID: 373083, e-mail: Rustemleng@rambler.ru

Magizov Rustem Robertovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor Head of the Department of Legal Disciplines, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University (10A (11/29), Syuyumbike ave., Naberezhnye Chelny, 423812, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-7918-0371, RSCI Author ID: 373083, e-mail: Rustemleng@rambler.ru

Вклад авторов

Юнусов Ахат Ахнафович – концепция исследования (формирование идеи о проблемах обеспечения состоятельности сторон при участии засекреченных свидетелей), редактирование статьи (внесение замечаний), написание текста (обсуждение результатов и выводы об уязвимости механизма возобновления производства по делу), утверждение окончательного варианта статьи.

Магизов Рустем Робертович – сбор и обработка материала (анализ правоприменительной практики Свердловского районного суда г. Костромы и Альметьевского городского суда), работа с нормативными актами, написание текста (разработка предложений по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство).